

Синкретизм в лексико-семантической системе сербского литературного языка

Каприелова Виктория Валерьевна

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация

Младший научный сотрудник

Институт языкознания РАН

125009, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1, Москва, Российская

Федерация

E-mail: nikakar@mail.ru

ORCID: 0009-0006-7314-3098

Цитирование

Каприелова В. В. Синкретизм в лексико-семантической системе сербского литературного языка // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 260–276. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.12

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, грант № 22-18-00586 «Построение типологии полисемии с применением частично-автоматизированной системы кросс-языковой идентификации семантических переходов».

Статья поступила в редакцию 15.03.2025.

Рецензирование завершено 19.01.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

В данной статье рассматривается явление синкретизма в лексико-семантической системе современного сербского литературного языка (ситуации, когда значения А и В в языке могут быть выражены только с помощью лексемы X). Исследование показывает, что синкретизм в сербском представляет собой явления двух типов. С одной стороны, существует старый, «чистый» синкретизм (соответствующий нашему определению), зачастую сложившийся в праславянский период и сохранившийся в современном языке (например, лексема *кожа* – по-прежнему единственный способ выразить значения ‘кожа’ и ‘шкура’). С другой стороны, типологической чертой сербской

ЛСС (лексико-семантической системы) можно признать существование «нового» синкретизма: ситуации, когда сосуществуют лексема У со значением А (например, глагол *лити* со значением ‘лить’) и лексема Х со значениями А и В (глагол *ситати* со значениями ‘лить’ и ‘сыпать’). При этом лексема Х активно употребляется в обоих значениях, словно лексема У не существует. Существование в сербском старого и нового синкретизма можно связать как с тенденцией сохранять черты архаической системы, так и со стремлением к языковой экономии.

Ключевые слова

Синкретизм, лексические параллели, сербский язык, русский язык, семантика, семантические переходы.

*Посвящается моему дорогому научному руководителю,
Екатерине Ивановне Якушкиной (1977–2026),
благодаря неоценимой поддержке и помощи которой
это исследование было выполнено.*

Интерес к типологическому описанию лексики славянских литературных языков зародился еще во второй половине XX в.: большое значение этому направлению придавал А. В. Исаченко, которому принадлежит классическая работа на эту тему (Исаченко 1958). В современной лингвистике подобные исследования получили импульс благодаря работам С. М. Толстой (Толстая 2008) и развиваются в рамках таких проектов, как новый сербско-русский словарь (ср. Шапич 2024; Рыжова 2024) или «Сравнительный словарь славянских языков» (Саенко, Толстая, Якушкина 2025).

Изучение типологических черт лексики того или иного литературного языка связано с исследованием формирования и эволюции его лексической системы, поэтому оно может проводиться в контексте исследования языковых изменений (*language change*), одного из актуальных направлений современного языкознания. В англоязычной науке оно началось с интереса к изменениям в фонетической системе языка (Labov 1999), затем постепенно распространилось на изучение других языковых уровней, однако изменения на лексическом уровне, как правило, в меньшей степени оказываются в фокусе внимания лингвистов (в том числе в силу большого количества их источников и некоторой непредсказуемости). Одними из главных проектов изучения языковых

изменений в настоящее время являются базы данных, занимающиеся регистрацией семантических переходов (DatSemShift 3.0.), колексификации, то есть совмещения значений в пределах одной лексемы (CLICS) и диалексификации (EvoSem), представляющей этимологические связи между когнатами. Из отечественных монографических исследований выделим работу Г. И. Кустовой «Типы производных значений и механизмы языкового расширения», в которой процессы, лежащие в основе образования новых значений, автор сводит к двум основным принципам переноса: аналогии (в основе метафоры) и связи (в основе метонимии), а также комбинации этих двух принципов (специализация и генерализация) (Кустова 2004: 54). Целый ряд исследований посвящен вопросу лексических изменений в западной лингвистике (Traugott 1989; Trask 1994; Aitchison 2004; Vybee 2015).

В данной работе выделяется и рассматривается с точки зрения теории семантических переходов такая типологическая особенность сербской лексики, как синкретизм. Термин «синкретизм» употребляется в научной литературе в разных значениях. Так, например, М. В. Пименова (2011; 2012) рассматривает синкретизм как частный случай асимметрии языкового знака и под синкретизмом понимает совмещение нескольких значений или его компонентов (например, прагматических) в рамках одной языковой единицы, «сосуществующих в языке и одновременно актуализирующихся в речи» (Пименова 2012: 135). Под синкретизмом также понимают различного рода нерасчлененность двух значений в рамках одного слова, которую определяют как «неустраненную [...] недискретность семантики слова» (Черепанова 2007), (семантическую) «нерасчлененность» (Колесов 2004: 44), «объединение в одном значении нескольких, часто трудно совместимых, семантических компонентов» (Левицкий 2001: 94). В настоящем исследовании под термином *синкретизм* мы будем подразумевать такую ситуацию, когда «в языке X смыслы P и Q выражаются разными словами, а в языке Y – одним словом» (Зализняк 2013: 42); например, совмещение значений ‘синий’ и ‘голубой’ для англ. *blue*.

Анализируемые в статье примеры синкретизма были нами отобраны в ходе многолетних наблюдений над функционированием сербской ЛСС (лексико-семантической системы), а также извлечены из словаря (Белинская 2015). Описываемыми ниже явлениями, предположительно, не исчерпывается список примеров синкретизма, представленного в сербском языке.

Лексико-семантический синкретизм в сербском языке бывает двух типов: «старый», то есть возникший еще в праславянскую эпоху

и сохранившийся в современном сербском языке, и «новый», то есть развившийся на почве собственно сербского языка.

1. «Старый» синкретизм

Старый синкретизм представляет собой случаи «чистого» синкретизма, ситуации, описанной в данном выше определении, когда для выражения значения А и значения В в некотором языке может использоваться только лексема Х. В большинстве случаев такая колексификация является не результатом развития языка, а сохранением старого единства значений.

1.1. Примером старого синкретизма может выступать серб. *кожа*, которое объединяет в себе значения ‘кожа (человека)’ и ‘шкура’ (отдельная лексема со значением ‘шкура животного’ в сербском языке отсутствует), в самом толковании оказывающиеся неразграниченными: «1.а. спольни омотач који покрива тело човека или животиње. б. такав омотач са животиње, штављен или обрађен: *јарећа* ~, *телећа* ~, *каиш од змијске коже*» (РСЈ: 549) [‘1.а. наружный покров тела человека или животного. б. покров животного, дубленый или обработанный: козья кожа, телячья кожа, ремень из змеиной кожи’]. Колексификация данных значений характерна для большинства славянских языков: «Этимологический словарь славянских языков» фиксирует совмещение значений ‘кожа’ и ‘шкура’ для ст.-сл. *кожа*, мак. *кожа*, чеш. *kůže*, словц. *koža* и полаб. *tüza* (ЭССЯ 12: 35)¹, а в русском, как и в других восточнославянских языках, синкретизм разрушился под влиянием полонизма *шкура* (Фасмер 1987: 451). Данный синкретизм возник, вероятно, на почве праславянского языка, ср. псл. **koža* из **kozja* (*skora*) ‘козья (шкура)’ (ЭССЯ 12: 36). Серб. *кожа* также употребляется в значении ‘шкурка, кожица растения’ (РСЈ: 549), таким образом, его инвариантное значение можно сформулировать как ‘верхний защитный слой живого существа или растения’. В русском же верхний слой растения уподобляется не только коже человека (рус. *кожица*), но и шкуре животного (*шкурка*), в обоих случаях маркируя слово с новым значением диминутивным суффиксом.

1.2. Архаичным можно назвать и совмещение значений ‘красивый’ и ‘хороший, устраивающий говорящего по качеству’, которое в современном сербском языке характерно для прилагательного *леп*;

¹ Совмещение значений ‘кожа’ и ‘шкура’ встречается не только в славянских языках, но и, например, в венгерском и агульском (согласно данным базы семантических переходов DatSemShift 3.0).

сп. «*леп пут* – это неразбитая дорога, *леп стан* – удобная, хорошо расположенная квартира, *леп музеј* – интересный музей» (Якушкина 2021: 73–74). Синкретизм данных значений был представлен и в древнерусском языке (Пименова 2000), значения ‘красивый, прекрасный’ и ‘хороший’, ‘удобный’ фиксируются у лексемы *красный* (СРЯ 11–17 8: 20) и у лексемы *льный* (Там же: 210). Отметим, что такая колексификация характерна для целого ряда языков (в базе DatSemShift 3.0 зафиксировано 32 реализации), в том числе славянских: чешского и болгарского.

1.3. Еще один случай архаичного синкретизма – колексификация значений ‘хороший’ и ‘добрый’, которая была характерна еще, например, для ст.-сл. **добръ** (ЭССЯ 5: 45) и сохраняется в современном сербском языке:

(1) Odgovorićemo da je oduvek svaki **dobar** lekar bio i psihoterapeut². [Мы ответим, что любой **хороший** врач всегда был еще и психотерапевтом.]

(2) Svako ima perfektnu ulogu, odlični su glumci sa slatkim rečima, veštačkim **dobrim** osmehom i ljupkim pogledom. [У каждого своя идеальная роль, они прекрасные актеры с приятными словами, фальшиво-**добрыми** улыбками и очаровательным взглядом.]

1.4. В сербском языке прилагательного *древан* ‘древний’ (являющегося позднейшим заимствованием из русского языка) в значениях ‘старый’ и ‘древний’ активно используется лексема *стари*:

(3) Ne možete beskrajno krpiti **stari** kaput novim zakrpaма. [Нельзя бесконечно латать **старое** пальто новыми заплатками].

(4) Rune. **Staro** pismo severnih naroda... [Руны. **Древнее** письмо северных народов...].

1.5. Синкретично и значение сербского глагола *прати*, который одновременно имеет семантику ‘мыть’ и ‘стирать’:

(5) **Peri** ruke posle svakog dodira sa psom. [Мой руки каждый раз как дотронешься до собаки.]

(6) Uvek stavljам rukavice kad **perem** sudove. [Я всегда надеваю перчатки, когда **мою** посуду.]

(7) Ukoliko ne **perete** odeću nakon kupovine, možete da dobijete neku infekciju. [Не стирая одежду после покупки, можно **подхватить** какую-нибудь инфекцию.]

² Кроме специально оговоренных случаев, все примеры заимствованы из корпуса сербского языка srWaC.

1.6. Глагол *сушити* не различает способ, с помощью которого некоторый продукт освобождается от влаги: «2. уклањати влагу из воћа, поврћа и сл. (ради конзервирања); ослобађати влаге, сокова месо и др. држећи га на диму, на сунцу и др.» (РСЈ: 1295) [2. удалять влагу из фруктов, овощей и т. д. (для консервации); освобождать мясо от влаги, соков и т. д., держа его на дыму, на солнце']. В результате данный глагол колексифицирует значения 'сушить', 'высушивать', а также 'влиять':

(8) Nikad ne **sušiti** odeću parolju. [Никогда не **сушить** одежду на улице.]

(9) ...Tata počinje da **suši** ribu u kuhinjskom ormariću. [...Папа начинает **сушить** рыбу в кухонном шкафчике.]

(10) Uz vino iz svojih podruma domaćini nude vrhunsko sveže povrće i voće, domaći sir, pršut **sušen** na dimu bukovog drveta. [К вину из своих погребов хозяева предлагают свежие овощи и фрукты высшего качества, домашний сыр и прошутто, **вяленое** на буковом дыму.]

1.7. Глагол *мерити* имеет значение 'мерить, взвешивать', не различая, какая именно величина поддается измерению:

(11) Deca i roditelji će se zabaviti **mereći** visinu na ovom veselom rastimetru. [Дети и родители получают удовольствие, **измеряя** свой рост с помощью этого веселого ростомера.]

(12) ...Kupci sami **mere** robu uz pomoć mašine, ili na samouslužnim kasaма сами **чекирају** svoju robu i plaćaju račune. [...Покупатели самостоятельно **взвешивают** свои товары с помощью прибора или проверяют их и оплачивают счета на кассах самообслуживания.]

Однако в развитии этого значения можно наблюдать процесс разрушения изначального синкретизма. В западных областях распространения сербского литературного языка в конкуренцию с *мерити* вступает глагол *вагати*, мотивированный позднеславянским германизмом **vaga*, впервые зафиксированный в сербских текстах в начале XVIII в. (ПСРЈ: 111).

2. «Новый» синкретизм

Новый синкретизм представляет собой случай, пограничный между «чистым» синкретизмом и полисемией. В современном сербском языке достаточно частотна ситуация, когда одновременно сосуществуют лексема Y, имеющая значение A, и лексема X, обладающая значениями A и B и активно употребляющаяся в обоих. Важно,

что лексемы X и Y используются в прямых значениях. Строго говоря, это явление не подходит под определение синкретизма Анны А. Зализняк, так как в языке есть лексема Y со значением A; но лексема X употребляется так, как будто лексемы Y не существует. Другими словами, язык предоставляет возможность членить действительность более дифференцировано, но его носители предпочитают использовать одну лексему сразу в двух значениях, нейтрализуя некоторый признак, который эти значения различает. Особенностью нового синкретизма является то, что, так как значения не были соединены изначально, мы в ряде случаев можем указать направление семантической деривации («чистый» синкретизм направления не имеет).

2.1. В современном сербском языке глагол *iћu*, когда-то конкурировавший с глаголом *jахати* в значении ‘ездить’, полностью вытеснил его из таких контекстов. В результате в современном глаголе *iћu* сформировался синкретизм: он одновременно употребляется в значениях ‘ходить’ и ‘ездить’:

(13) Svuda je **iћao** peћke, autobusom ili vozom. [Он везде **ходил** пешком, **ездил** на автобусе или поезде.]

Такой же процесс прошел в словацк. *iћi*, макед. *оди*, болг. *ида*, хорв. *iћi*, которые на данном этапе совмещают значения ‘идти’ и ‘ехать’.

Само праслав. **jахати / *jћхати* в русском языке сохранилось в форме *ехать* ‘передвигаться на транспорте’, а в сербском – в *јахати* ‘ездить верхом’ (ЭССЯ 8: 169–170), причем значение ‘ездить верхом’ закрепилось за сербским глаголом еще в праславянскую эпоху (RJA ZU 4: 418)³. В результате в русском языке мы можем говорить о синкретическом совмещении значений ‘ездить на транспорте’ и ‘ездить верхом’ в глаголе *ехать*, а в сербском – о совмещении значений ‘идти’ и ‘ехать’ в глаголе *iћu*.

2.2. Яркий пример лексемы с синкретическим расширением – глагол *сипати*, исходно ‘сыпать’ и вторично ‘лить’. Хотя сербский язык обладает лексемой *лити* со значением ‘заставлять падать (обычно о жидкостях)’ (РСJ: 647), говорящие часто не различают, производит ли субъект манипуляции с жидкостью или с сыпучим материалом⁴:

³ Согласно «Этимологическому словарю сербского языка», первоначальное значение глагола *јахати* могло быть ‘управлять повозкой’ [ПЕРСJ: 466], в любом случае предполагая передвижение на лошадях как основной способ езды в то время.

⁴ Колексификация данных значений совершенно не уникальна для сербского языка, базой DatSemShift 3.0 фиксируется 25 реализаций перехода #0354 *to*

(14) Sada ispraznite teglu, pa prvo u teglu postavite kamenje. Onda **sipajte** pesak. [Сейчас освободите банку и сначала положите в банку камни. Потом **насыпьте** песок.]

(15) U staklenu činiju **sipajte** vodu, sodu bikarbonu, malo sirćeta ili soka od limuna. [В стеклянную миску **налейте** воду, добавьте соду, немного уксуса или лимонного сока.]

Глагол *sipati* в обоих значениях широко и устойчиво употребляется на территории Сербии, тогда как в Боснии и Герцеговине употребляется и лексема *lititi* ‘лечь’ (устное сообщение Е. И. Якушкиной по данным экспедиционного архива).

2.3. Глагол *seћи*, который первоначально имел семантику ‘рубить’, впоследствии стал употребляться в значении ‘резать’ (при сосуществовании с глаголом *rezати*) [РСЈ: 1216]:

(16) Radi nešto pametnije. Na primer, **seci** drva za sledeću zimu. [Делай что-то поумнее. Например, **руби** дрова на следующую зиму.]

(17) Holanđani pored nas **seku** paradajz, to im je za večeru. [Голландцы перед нами **режут** помидор, это им на ужин.]

Для данного глагола немаркированным оказался признак ‘инструмент, с помощью которого совершается действие’, а также ‘степень интенсивности действия (количество прилагаемых усилий)’, значимой является сема ‘отделение части предмета с помощью острого орудия’. Подобная колексификация характерна и для турецкого глагола *kesmek*; она, вероятно, могла возникнуть в сербском под влиянием турецкого языка.

2.4. При наличии глагола *положити* ‘размещать предмет в горизонтальном положении’ (РСЈ: 966⁵) и в значении ‘положить’, и в значении ‘поставить’ активно используется глагол *ставити*:

(18) Dragan je otišao do fiјoke i **stavio** na sto nekoliko papira. [Драган подошел к ящику и **положил** на стол несколько бумаг.]

(19) Otac bi me podigao, **stavio** u krevet, poljubio i otišao. [Отец бы взял меня на руки, **положил** в кровать, поцеловал и ушел.]

strew – to pour из самых разных языков, включая албанский, венгерский, румынский, армянский, французский, гагаузский и суахили; из славянских языков представлен только сербский язык.

5 В словаре «ставити нешто да лежи» – буквально ‘класть так, чтобы что-то лежало’.

Этот же глагол может употребляться и в значениях ‘вешать’, ‘надевать’ и ‘записывать’:

(20) ...Police za igračke i knjige **staviti** na zidove – visoko do plafona. [...Полки для игрушек и книг **вешать** на стены – повыше к потолку.]

(21) Kad **stavim** naočare nekada vidim, nekada ne vidim. [Когда **надеваю** очки, иногда вижу, иногда не вижу.]

(22) Ako u opciji Pretraga u gornjem meniju **stavimo** reč Klado-vo dobićemo preko 60 tema na ovom Forumu koje govore o Kladovu. [Если в окошко Поиск в верхнем меню мы **вобьем** слово «Кладово», то получим больше 60 тем на этом Форуме, в которых речь идет о Кладове.]

Таким образом, инвариантное значение слова *staviti* можно сформулировать как ‘помещать / размещать’, при этом нейтрализуется признак ‘пространство, в которое помещается объект’ и ‘положение объекта в пространстве’.

2.5. Немаркированным в сербском языке оказывается противопоставление места и направления движения. Так, несмотря на наличие лексемы *куда* (со значением направления движения), и в значении ‘где’, и в значении ‘куда’ используется слово *где*:

(23) Pa **gde** si čoveče, nikad nisi kući. [Ну, **где** же ты, никогда тебя нет дома.]

(24) Gledaj **gde** ideš. [Смотри, **куда** идешь.]

Подобное совмещение характерно и для лексем *тамо*, *овамо*:

(25) Samo moram da vas pitam, gospodo, da li ste vi nekada bili **tamo**? [Только должен вас спросить, господа, вы когда-нибудь **там** были?]

(26) Idemo na neko drugo mesto, ili ipak idemo **tamo**? [Идем в какое-то другое место или все-таки идем **туда**?]

(27) **Овамо** се ништа не догађа (РСЈ: 851). [**Здесь** ничего не происходит.]

(28) Дођите **овамо** (Там же). [Подойдите **сюда**.]

Хотя словарь не фиксирует для лексем *овде* и *ту* компонент значения ‘направление движения’, для них также находятся примеры употребления в значении ‘сюда’:

(29) Oдавде се види боље. Дођи **овде**, па ако ти није далеко. [Отсюда лучше видно. Приезжай **сюда**, если это недалеко от тебя.]

(30) ...Stvarno još ne znam gde ću nastaviti karijeru. Kao da ja ne bih voleo da izađem i kažem – idem **tu**, tada i na toliko godina. [...Правда, я пока

не знаю, где буду продолжать свою карьеру. Как будто мне не хочется выйти и сказать – я иду **сюда**, тогда-то и на столько-то лет.]

В эту же группу можно включить наречия *горе* ‘наверх’, ‘наверху’ и *доле* ‘вниз’, ‘внизу’. Данное явление связано с процессом балканнизации сербского языка (ср. смешение падежей места и направления в некоторых сербских диалектах).

Итак, мы видим, что синкретическое расширение охватывает довольно широкий круг лексем. Мы можем констатировать для сербского языка тенденцию выделять некоторый инвариант значения и распространять его на действия или объекты, похожие на инвариантные. При этом незначимыми становятся такие признаки, как способ действия, инструмент, тип субъекта (человек или животное) и другие.

3. Сверхдифференциация понятий

Отдельно стоит также упомянуть те случаи, в которых речь идет, скорее, не о синкретизме в сербском языке, а о более высокой дифференциации некоторых понятий в русском языке (само явление синкретизма выявляется путем сопоставления одного языка на фоне других языков, поэтому в качестве основания для выделения сверхдифференциации понятий мы можем предложить критерий отсутствия противопоставления данных понятий в большинстве славянских языков).

Например, в сербском не противопоставлены друг другу понятия ‘деревня’ и ‘село’ по признаку ‘величина’ и ‘наличие церкви’. Оба значения выражаются лексемой *село*: «мање људско насеље (чији се становници обично баве пољопривредом и сточарством)⁶» (РСЈ: 1212) [небольшое поселение (жители которого обычно занимаются земледелием или скотоводством)]. В то время как в русском в значении ‘большое поселение с церковью’ используется родственное *село*, а для обозначения более маленького населенного пункта, обычно без церкви (Прохоров 2007: 165), – *деревня*. В современном сербском языке слово *сир* употребляется как в значении ‘сыр’, так и для обозначения кисломолочного продукта, в русском называемого словом *творог*. Известно, что лексема *сыр* тоже объединяла эти значения (СРЯ 11–17 29: 142) (ср. рус. *сырник*), но уже в XV–XVI вв. в русский язык входит слово *творог* (Там же: 260).

6 Ср. также серб. *глобално село* [РСЈ: 1212] от англ. *global village*, которое на русский язык переводится как ‘глобальная деревня’.

4. Причины сохранения старого и развития нового синкретизма в сербском языке

Синкретизм обычно считается чертой архаических лексико-семантических систем. В. В. Колесов связывает семантический синкретизм с мифологическим, «нерасчлененно-целостным» сознанием, для которого характерна связь с «генетической идеей происхождения и синтеза», а разрушение синкретизма – с сознанием «научным», «направленным на анализ и интересующимся функцией» (Колесов 2004: 53). Причем оба эти типа сознания, по мнению ученого, сосуществуют одновременно, а превалирование одного из них объясняется «предпочтением одной из сторон двуединого объекта в каждой конкретной культуре» (Там же). Подобную мысль высказывает и Анна А. Зализняк: «Есть основания полагать, что онтологически развитие многозначности проходит путь не от “конкретного” к “абстрактному”, а скорее от самого о б щ е г о представления, в котором метафорически или метонимически мотивированные переносы вообще не осознаются как порождающие отдельные сущности, – к постепенному р а с ч л е н е н и ю и оппозиции частных значений» (Зализняк 2006: 43). Сохраняя праславянский синкретизм, сербский язык выступает как носитель архаической лексико-семантической черты.

С другой стороны, М. А. Павлюковец рассматривает синкретизм как инструмент языковой экономии: она отмечает, что факты синкретизма «нередко являются следствием экономии языковых средств и выступают как конденсаторы семантики, характеризуются более богатыми сочетаемостными возможностями, чем типичные явления, обладают полифункциональностью и отличаются особой экспрессивностью» (Павлюковец 2009: 11). На наш взгляд, именно экономия речевых средств может являться одной из причин развития синкретического расширения значений в сербском языке, так как оно снимает необходимость поиска более точного слова, позволяя употреблять лексему с обобщенной семантикой.

Говоря о синкретизме в русском и сербском языках, нельзя не отметить, что есть случаи, когда, напротив, русская лексема совмещает в себе значения, различающиеся в сербском языке. Приведем несколько примеров.

Сербский язык различает значения *скуп* ‘дорогой (о цене)’ и *драг* ‘дорогой (сердцу, об эмоциональной привязанности)’, которые в русском языке объединяются в слове *дорогой*. В русском слове *масло* объединяются значения ‘масло животного происхождения’ и ‘масло растительного происхождения’, разграниченные в сербском языке,

где *уље* – это ‘растительное масло’, а *маслац, путер* – ‘масло животного происхождения’. Другой случай – обозначение соседей: русский язык не различает людей в зависимости от типа пространства, в котором они соседствуют, в то время как серб. *комишија, сусед* – ‘человек, который живет по соседству (например, в одном доме)’, а серб. *цимер* – ‘сосед по комнате’⁷. И еще один пример – из терминологии родства. Сербский язык сохраняет архаичное противопоставление *стриц* ‘дядя по отцу’ и *ујак* ‘дядя по матери’, практически утраченное восточнославянскими языками (Трубачев 1959: 78–79).

Итак, мы можем сделать вывод, что в сербском языке сосуществуют два типа синкретизма: старый, исконный, характерный для древней лексической системы, который сербский язык во многих случаях склонен сохранять (хотя и в русском языке иногда остаются слова с исконным синкретизмом типа *дорогой*); и новый синкретизм, являющийся, на самом деле, расширением значения, в результате которого лексема функционирует так, словно только с помощью нее можно выразить значения А и В. Этот активный процесс синкретического расширения значений, проходящий в современном языке, мы и можем считать уникальной чертой сербского языка. Сербская лексическая система предоставляет носителям две возможности: выражать смыслы, используя лексемы, чье значение претерпело расширение, или выражать противопоставленные значения разными лексемами. При этом носители языка во многих случаях делают выбор в пользу первой возможности.

Важно также то, что большинство приведенных в данной статье примеров представляют собой лексические параллели в русском и сербском языке, то есть слова генетически родственные, но в разных языках разошедшиеся в значениях. К образованию таких пар как раз и приводит стремление одного языка сохранить или развить синкретизм, а другого – синкретизм устранять.

⁷ Данное противопоставление есть и в других языках: ср., например, англ. *neighbour* и *roommate*, венг. *szomszéd* ‘человек, живущий по соседству’, *szobatárs* ‘сосед по комнате’.

Источники и литература

Белинская Л. Н. Сербско-русский, русско-сербский словарь-справочник межъязыковых омонимов «ложные друзья». М.: Троица, 2015. 464 с.

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянской культуры, 2006. 673 с.

Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 32–51.

Исаченко А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков // *Slavia*. 1958. Ročník XXVII. Sešit 3. С. 334–352.

Колесов В. В. Слово и дело. Из истории русских слов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004. 703 с.

Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.

Левецкий В. В. Семантический синкретизм в индоевропейском и германском // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 94–106.

Павлюковец М. А. Синкретизм на морфологическом и синтаксическом уровнях английского языка как проявление языковой экономии: функциональный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 22 с.

ПЕРСЈ – Приручни етимолошки речник српског језика. Београд: Институт за српски језик САНУ; Етимолошки речник, 2023. 494 с.

Пименова М. В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 19–48.

Пименова М. В. Семантическая деривация и синкретизм // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, кн. 5. С. 132–136.

Пименова М. В. Эстетическая оценка в древнерусском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 38 с.

Прохоров 2007 – Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под ред. Ю. Е. Прохорова. М.: АСТ-ПРЕСС МАКС, 2007. 736 с.

РСЈ – Речник српскога језика. Нови Сад: Матица Српска, 2007. 1561 с.

Рыжова Д. А. Типология и лексикография: русский глагол *бросить* и его сербский переводной эквивалент *бацити* на типологическом фоне // Славяноведение. 2024. № 3. С. 92–104. DOI: 10.31857/S0869544X24020082

Саенко М. Н., Толстая С. М., Якушкина Е. И. Проект нового идеографического словаря славянских языков // Славяноведение. 2025. № 5. С. 67–79. DOI: 10.31857/S0869544X25050054

СРЯ 11–17 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8, 29. М.: Наука, 1981, 2011. 351, 477 с.

Станкович Б. Русско-сербский словарь. Нови Сад; М.: Матица Српска; Русский язык, 1998. 1001 с.

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.

Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 211 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Прогресс, 1987. 864 с.

Черепанова О. А. О соотношении понятий «семантический синкретизм» и «лексико-семантическая группа» в применении к лексической системе древнерусского языка // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / гл. ред. Г. В. Судаков; сост. С. А. Тихомиров. Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 692–697.

Шанич Ю. Л. Сопоставительное описание лексических систем (на материале сербско-русского словаря) // Славяноведение. 2024. № 3. С. 60–73. DOI: 10.31857/S0869544X24030051

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32), А. Ф. Журавлева (вып. 31–40), Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

Якушкина Е. И. Сербохорватская лексика в общеславянском контексте: семантика и география: дис. ... докт. филолог. наук. М., 2021. 297 с.

Aitchison J. Language change: progress or decay? Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 312 p.

Bybee J. Language Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 292 p.

DatSemShift 3.0. URL: <https://datsemshift.ru/> (дата обращения: 10.03.2025).

Labov W. Principles of Linguistic Change. Internal factors. Oxford: Blackwell, 1999. 674 p.

RJAZU – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti

srWaC. URL: https://www.clarin.si/noske/run.cgi/corp_info?corpname=srwac&struct_attr_stats=1&subcorpora=1 (дата обращения: 08.02.2025).

Trask R. L. Language Change (Language Workbooks). London: Routledge, 1994. 104 p.

Traugott E. On the rise of epistemic meaning: an example of subjectification in semantic change // Language. 1989. Vol. 65, no. 1. P. 31–55.

References

- Aitchison, J. *Language change: progress or decay?* Cambridge: Cambridge University Press, 2004, 312 p.
- Belin'kaia, L. N. *Serbsko-russkii, russko-serbskii slovar'-spravochnik mezh'iazykovykh omonimov «lozhnyje druž'ia»*. Moscow: Troitsa, 2015, 464 p.
- Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka*, ed. by S. A. Kuznetsov. St Petersburg: Norint, 2000, 1536 p.
- Bybee, J. *Language Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 292 p.
- Cherepanova, O. A. "O sootnoshenii poniatii «semanticheskii sinkretizm» i «leksiko-semanticheskaiia gruppya» v primenenii k leksicheskoi sisteme drevnerusskogo iazyka." *Russkaia kul'tura novogo stoletiiia: Problemy izucheniiia, sokhraneniia i ispol'zovaniia istoriko-kul'turnogo naslediiia*, ed. by G. V. Sudakov, compl. by S. A. Tikhomirov. Vologda: Knizhnoe nasledie, 2007, pp. 692–697.
- Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: Praslavianskii leksicheskii fond*, ed. by O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev, Zh. Zh. Varbot. Moscow: Nauka, 1974–. Vols. 1–.
- Isachenko, A. V. "K voprosu o strukturnoi tipologii slovarnogo sostava slavianskikh literaturnykh iazykov." *Slavia*, 1958, Vol. XXVII, no 3, pp. 334–352.
- Kolesov, V. V. *Slovo i delo. Iz istorii russkikh slov*. St Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2004, 703 p.
- Kustova, G. I. *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy iazykovogo rasshireniia*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004, 472 p.
- Labov, W. *Principles of Linguistic Change. Internal factors*. Oxford: Blackwell, 1999, 674 p.
- Levitskii, V. V. "Semanticheskii sinkretizm v indoevropskom i germanskom." *Voprosy iazykoznaniiia*, 2001, no 4, pp. 94–106.
- Pavliukovets, M. A. *Sinkretizm na morfologicheskoi i sintaksicheskoi urovniakh angliiskogo iazyka kak proiavlenie iazykovoi ekonomii: funktsional'nyi aspekt: avtoref. dis. kand. filolog. nauk*. Rostov-on-Don, 2009, 22 p.
- Pimenova, M. V. "Leksiko-semanticheskii sinkretizm kak proiavlenie formal'no-soderzhatel'noi iazykovoi asimmetrii." *Voprosy iazykoznaniiia*, 2011, no 3, pp. 19–48.
- Pimenova, M. V. "Semanticheskaiia derivatsiia i sinkretizm." *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2012, vol. 154, no 5, pp. 132–136.
- Pimenova, M. V. *Esteticheskaiia otsenka v drevnerusskom iazyke: avtoref. dis. kand. filolog. nauk*. St Petersburg, 2000, 38 p.
- Priručni etimološki rečnik srpskog jezika*. Beograd: Institut za srpski jezik SANU; Etimološki rečnik, 2023, 494 p.
- Prokhorov, Iu. Je., ed. *Rossiiia. Bol'shoi lingvostranovedcheskii slovar'*. Moscow: AST-PRESS MAKS, 2007, 736 p.
- Rečnik srpskoga jezika*. Novi Sad: Matica Srpska, 2007, 1561 p.
- Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1880–1976. Vols. 1–23.
- Ryzhova, D. A. "Tipologiiia i leksikografiiia: russkii glagol *brosit'* i ego serbskii perevodnoi ekvivalent *batsiti* na tipologicheskoi fone." *Slavianovedenie*, 2024, no 3, pp. 92–104. DOI: 10.31857/S0869544X24020082

Saenko, M. N., Tolstaia, S. M., Iakushkina, Je. I. "Proekt novogo ideograficheskogo slovaria slavianskikh iazykov." *Slavianovedenie*, 2025, no 5, pp. 67–79. DOI: 10.31857/S0869544X25050054

Shapich, Iu. L. "Sopostavitel'noe opisanie leksicheskikh sistem (na materiale serbsko-russkogo slovaria)." *Slavianovedenie*, 2024, no 3, pp. 60–73. DOI: 10.31857/S0869544X24030051

Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. Vol. 8, 29. Moscow: Nauka, 1981, 2011, 351, 477 p.

Stankovich, B. *Russko-serbskii slovar'*. Novi Sad; Moscow: Matitsa Srpska; Russkii iazyk, 1998, 1001 p.

Tolstaia, S. M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaia semantika v obshcheslavianskoi perspektive*. Moscow: Indrik, 2008, 528 p.

Trask, R. L. *Language Change (Language Workbooks)*. London: Routledge, 1994, 104 p.

Traugott, E. "On the rise of epistemic meaning: an example of subjectification in semantic change." *Language*, 1989, vol. 65, no. 1, pp. 31–55.

Trubachev, O. N. *Istoriia slavianskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneishikh terminov obshchestvennogo stroia*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959, 211 p.

Vasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*. In 4 vols. Vol. 4. Moscow: Progress, 1987, 864 p.

Yakushkina, E. I. *Serbokhorvatskaia leksika v obshcheslavianskom kontekste: semantika i geografiia. Dis. ... dokt. filolog. nauk*. Moscow, 2021, 297 p.

Zalizniak, Anna A. *Mnogoznachnost' v iazyke i sposoby jeje predstavleniia*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2006, 673 p.

Zalizniak, Anna A. "Semanticheskii perekhod kak ob'ekt tipologii." *Voprosy iazykoznanii*, 2013, no 2, pp. 32–51.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.12

V. V. Kapriellova

Lexical Syncretism in the Lexical-Semantic System of the Serbian Literary Language

Viktoria V. Kapriellova

PhD Student

Lomonosov Moscow State University

119991, Leninskie Gory 1-51, Moscow, Russian Federation

Junior Research Fellow

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

125009, Bolshoy Kislovsky Lane 1-1, Moscow, Russian Federation

E-mail: nikakap@mail.ru

ORCID: 0009-0006-7314-3098

Citation

Kaprielova V. V. Lexical Syncretism in the Lexical-Semantic System of the Serbian Literary Language // Slavic Almanac. 2026. No 1–2. P. 260–276 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.12

Acknowledgements

The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project № 22-18-00586 “Mapping of the typology of polysemy via computer-assisted system of the cross-language identification of semantic shifts”.

Received: 15.03.2025.

Revised: 19.01.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

The article examines the phenomenon of lexical syncretism in the modern Serbian literary language, defined as a situation in which two distinct meanings (A and B) are expressed by a single lexeme (X). The study identifies two distinct types of syncretism in Serbian. The first is “old” (archaic) syncretism, which aligns with the traditional definition; it often originated in the Proto-Slavic period and has persisted in the modern language (for instance, the lexeme *koža* remains the only way to express both ‘human skin’ and ‘animal hide’). The second type, which constitutes a typological feature of the Serbian lexical-semantic system, is “new” syncretism. This occurs when a specific lexeme Y (e.g., the verb *liti*, ‘to pour liquids’) coexists with a syncretic lexeme X (e.g., the verb *sipati*, which means both ‘to pour liquids’ and ‘to pour/strew solids’). In such cases, lexeme X is frequently employed in both senses, often displacing lexeme Y in usage. The endurance of old syncretism and the emergence of new forms in Serbian can be attributed to both a tendency toward preserving archaic structures and a drive for linguistic economy.

Keywords

Syncretism, lexical parallels, Serbian language, Russian language, semantics, semantic shifts.